

Сериальные конструкции с глаголом *parək I* в урмийских новоарамейских идиомах

А. К. Лявданский

Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); alyavdansky@hse.ru; ORCID: 0000-0002-2102-8606

Аннотация. На основе полевых и корпусных данных делаются предварительные наблюдения о форме и функции сериальных глагольных конструкций в урмийских христианских новоарамейских идиомах. В частности, проанализированы сериальные конструкции с глаголом *parək I*, в которых он выступает и как семантический модификатор, и как смысловой глагол. В своей роли семантического модификатора глагол *parək I* функционирует как аспектуальный маркер комплетива и перфектива.

Ключевые слова: новоарамейские языки, семитские языки, сериальные глагольные конструкции, языковые контакты.

Serial verb constructions with the verb *parək I* in Christian Urmi Neo-Aramaic

Alexey K. Lyavdansky

Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); alyavdansky@hse.ru; ORCID: 0000-0002-2102-8606

Abstract. On the basis of field and corpus data, preliminary observations are made about the form and function of serial verb constructions (SVC) in the varieties of Christian Urmi Neo-Aramaic. Serial verb constructions are considered adopting

“wide” understanding of this phenomenon, represented by the works of Plungyan, Aikhenvald and Andrason among many others. Big amount of data was collected in the literary corpus of Soviet texts in Christian Urmi. It was supplemented by the fieldwork in the village of Urmia in Krasnodarsky Kray. The preliminary overall picture of the use of SVC in Christian Urmi shows that this language does not belong neither to most productively serializing languages, nor to the languages with the lowest rate of verbal serialization. Relative frequency of SVC in Christian Urmi may be accounted for by the influence of the adstrate Azerbaijani (*Azery*) Turkish: its CON-VERB+V-constructions, widely known in many other Turkic languages, may have been calqued by morphosyntactically related (following Shluinsky 2014) serial verb constructions in Christian Urmi Neo-Aramaic. Further research needs to be done taking into account the history of SVC in the older strata of Aramaic.

As a case study, the article analyzes serial constructions with the verb *parək* I, in which it operates either as a semantic modifier or as a lexical verb. One of the problems affecting the analysis of the examples is homonymy between the verbs *parək* I and *parək* II in the Present tense (*qatəl*). In some cases this may be resolved by the presence of the pronominal object marker which could be attached only to strictly transitive *parək* II. In its role of a semantic modifier, the verb *parək* I functions as an aspectual completive or perfective marker. The SVC with the verb *parək* I are relatively infrequent. This fact and the full-fledge usage of *parək* I as a lexical verb outside SVC does not allow to conclude that the verb *parək* I within SVC is to be considered as fully grammaticalized aspectual marker.

Keywords: Neo-Aramaic languages, Semitic languages, serial verb construction, language contact.

1. Введение

1.1. Вступительные замечания

Цель данной статьи — с одной стороны, представить предварительные результаты изучения сериальных конструкций в христианском урмийском новоарамейском языке, с другой стороны, в качестве case study, рассмотреть функции сериальных конструкций с глаголом ‘заканчивать(ся)’ (*parək* I). Конструкции, о которых здесь идет речь,

впервые были рассмотрены как особый грамматический феномен в учебной грамматике ассирийского литературного языка, созданной его носителем Константином Марогуловым. Автор назвал такие конструкции «соединенными глаголами» (*milləli zuvvigi*) и высказал некоторые наблюдения, касающиеся семантики и синтаксиса конструкций из двух глаголов [Marogulov 1935]. В грамматике Дж. Кхана конструкции из двух и более глаголов, имеющие базовые характеристики сериальных глагольных конструкций, рассматриваются как частный случай синтаксических явлений, связанных с объединением нескольких глаголов в одну интонационную группу [Khan 2016]. В данной статье впервые эти конструкции идентифицируются как сериальные¹.

1.2. Теоретические и методологические аспекты

Сбор данных о сериальных глаголах представляет некоторые трудности, поскольку такой материал нелегко получить с помощью элицитации; напротив, рекомендуется его собирать, анализируя корпус, а также наблюдая употребление этих конструкций в повседневном общении [Aikhenvald 2018: 250]. В статье делается попытка интегрировать два типа данных: данные электронного корпуса литературного языка, основанного на урмийских идиомах, и данные полевых исследований урмийских идиомов.

Согласно одной из трактовок, принадлежащей Александре Айхенвальд, под сериальными глагольными конструкциями (СГК) понимаются конструкции из двух и более финитных глаголов, составляющих единый предикат, образующих просодическое единство и единую клаузу, имеющих общее значение времени, вида, модальности, полярности, обозначающих одно событие и чаще всего имеющих единый субъект [Aikhenvald 2018]. Перечисленные выше характеристики не предлагаются как строгие критерии СГК, а понимаются скорее как признаки или обобщения. Некоторые из них могут быть оспорены: отсылка к одному событию с трудом поддается верификации и, как правило, носит

¹ См. также: [Lyavdansky, to appear].

интуитивный характер²; признак финитности глаголов не работает для тех языков, где нет противопоставления финитных и нефинитных глаголов. С другой стороны, не включен важный признак отсутствия показателей синтаксической связи [Шлуинский 2016: 276; Lovestrand 2021: 3].

Попытка предложить строгие критерии СГК была сделана в [Haspelmath 2016]: это должна быть моноклаузальная конструкция, состоящая из независимых глаголов при отсутствии между ними соединительного элемента и при отсутствии отношения «предикат — аргумент» между входящими в конструкцию глаголами. Таким образом, исключаются конструкции с модальными глаголами, конструкции с фазовыми глаголами, каузативные конструкции. Кроме того, принимаемое автором определение синтаксической конструкции исключает сериализованные конструкции, имеющие идиоматическое значение (вопреки, в частности, [Плунгян 1998: 24]), а также, по-видимому, не считаются СГК симметричные (синонимичные) цепочки глаголов.

Данная работа опирается на более широкое понимание СГК, принятое, помимо [Aikhenvald 2006, 2018], во многих других работах³. В частности, представляется продуктивным «прототипический» подход Александра Эндрасона, опубликовавшего несколько работ о СГК на материале польского языка и нескольких семитских языков⁴. Выбор расширенного понимания СГК отчасти определяется языковой спецификой урмийского, одним из важнейших признаков которого является (правда, широко распространенное) различие финитных и нефинитных глагольных форм. Поэтому, например, если говорить о конструкциях с фазовыми глаголами, то факт, что в родственном христианскому урмийскому новоарамейском диалекте барвар фазовый глагол сериализуется⁵ (1), представляется нетривиальным и не только диалектологически, но и типологически значимым.

² Например, в [Шлуинский 2014] денотативно единственная ситуация как признак СГК никак не определяется.

³ См., например, недавнюю обобщающе-критическую работу [Lovestrand 2021].

⁴ Наиболее полно этот подход сформулирован в [Andrason, Коо 2020].

⁵ В урмийских идиомах этого никогда не происходит с глаголом *šarə* ‘начинать’.

- (1) *šury-ela xil-ela muḏàḏe*
 начать.PST-LS.3P есть.PST-LS.3P вместе

‘Они начали питаться вместе’. [Khan 2008a: 1664]

В рамках принятого здесь подхода сериальные глагольные конструкции семантически могут быть как асимметричными, так и (реже) симметричными. В асимметричных сериальных конструкциях один из глаголов является семантическим модификатором [Стойнова, Шлуинский 2013]⁶; как правило, такой семантический модификатор синтаксически и морфологически никак не выделен, в двухглагольных конструкциях он может занимать линейно как первое, так и второе место. Напротив, семантически группу модификаторов можно определить, хотя и не строго. Это могут быть дейктически ориентированные глаголы (‘уйти’, ‘прийти’; в парах с другими глаголами движения); «один из глаголов используется в качестве более или менее грамматикализованного показателя, выражающего некоторое значение из Универсального грамматического набора», чаще всего это глаголы для выражения аспектуальных значений, значений актантной деривации [Плунгян 1998: 24].

В качестве прототипической сериальной конструкции для христианского урмийского новоарамейского языка может быть рассмотрена глагольная конструкция в следующем примере:

- (2) *ána rák-li xáš-li bèta*
 я убежать.PST-LS.1S идти.PST-LS.1S дом(м)

‘Я убежал домой’. (Полевые материалы, консультант 5)

Конструкция *rákli xášli* включает две глагольные формы, имеющих одинаковое видо-временное значение (PST), одинаковые показатели лица и числа (1 л. ед. ч.), согласованные с единым для них субъектом, выраженным личным местоимением *ána* ‘я’, имеющие общее значение положительной полярности; соединительный союз между двумя глагольными формами отсутствует; две глагольные

⁶ По-видимому, термин «модификатор» в этом употреблении имеет мало общего с модификатором как синтаксическим понятием.

формы образуют просодическое единство (входят в одну интонационную группу): между ними нет паузы, фразовое ударение — на словоформе, расположенной справа от конструкции из двух глаголов; два глагола представляют собой единый предикат, кодирующий одно событие⁷; данная конструкция асимметрична: глагол *xáš-li* играет в ней вспомогательную роль. На моноклаузальность этой конструкции кумулятивно может указывать просодическое единство, отсутствие соединительного союза, асимметричность конструкции и ее монопредикативность. Кроме того, может быть применен критерий, предложенный в [Foley, Olson 1984]: если предположить, что здесь имеются две клаузы, а не одна ('убежал (и) ушел'), то смысл такого отрезка оказывается неприемлемым как в данном контексте, так и изолированно.

1.3. Общие сведения об урмийских новоарамейских идиомах

Северовосточные новоарамейские христианские идиомы, распространенные на урмийской равнине в Иране, иногда называют «урмийский диалект» [Церетели 1965]⁸. Недавнее масштабное исследование этих идиомов [Khan 2016] демонстрирует, что речь идет скорее о кластере диалектов, объединяемых множеством общих черт и противопоставляемых другим идиомам северо-восточных новоарамейских языков (СВНЯ), происходящим из региона Курдистан — Иранский Азербайджан. Так, Дж. Кхан выделяет четыре разновидности христианского урмийского языка: северный урмийский, южный урмийский, урмийские говоры в Армении, урмийский идиом в Грузии [Khan 2016 I: 28]. В середине XIX в. на основе урмийских диалектов был создан

⁷ Русский перевод одной словоформой 'убежал', равно как и однословный перевод на другие языки, не может быть однозначно надежным критерием однособытийности. Однако наиболее вероятная интуитивная интерпретация этого предложения представляется как отсылка к единому событийному денотату.

⁸ Более корректным было бы наименование «христианский урмийский диалект», поскольку в г. Урмия до недавнего времени был распространен и еврейский урмийский новоарамейский идиом [Khan 2008b].

литературный язык. Как литературный язык, так и разговорные урмийские диалекты, особенно в среде носителей, часто называют «ассирийский язык»⁹. Видо-временная система урмийских идиомов строится на четырех основах: инфект (PRS), прогрессив (PROG), претерит (PST), результатив (RES). Финитные формы, образованные от этих основ, включают субъектные показатели лица, числа и рода, получившие название S-суффиксы (для PRS), L-суффиксы (для PST), а также копулы настоящего и прошедшего времени (для PROG и RES), и объектные показатели — L-суффиксы (для PRS), S-суффиксы (для PST), притяжательные показатели P (для PROG и RES) [Сай 2020: 659]. Породы I, II и III ассоциируются с выражением как лексических, так и грамматических значений [Лявданский 2009]. За очень редкими исключениями глаголы, относящиеся к II и III породам, употребляются в переходных предложениях; глаголы I породы могут быть переходными, непереходными и лабильными. Для корня PRK базовые значения трех глагольных лексем, образованных по трем породам, таковы: *parək* I ‘заканчиваться’, *parək* II ‘заканчивать’, *maprək* (III) ‘каузировать завершение кем-либо какого-либо действия или процесса (X каузирует, что Y завершит Z)’, см. *Таблицу 1*.

Для дальнейшей дискуссии важно, что формы инфекта I и II пород полностью омонимичны для любых глагольных корней.

Таблица 1. Глагольные основы и породы глагола на примере корня PRK

Table 1. Verbal bases and stems on the example of the root PRK

	I	II	III
Инфект	<i>parək</i>	<i>parək</i>	<i>maprək</i>
Прогрессив	<i>prak-</i>	<i>paruk-</i>	<i>mapruk-</i>
Претерит	<i>prək-</i>	<i>purək-</i>	<i>maprək-</i>
Результатив	<i>prika</i> <i>prəkta</i> <i>prikə</i>	<i>purka</i> <i>purəkta</i> <i>purkə</i>	<i>maprəkka</i> <i>maprəkta</i> <i>maprəkə</i>

⁹ Это понятие может включать любые христианские новоарамейские диалекты, а в некоторых случаях даже еврейские новоарамейские диалекты.

1.4. Источники и процедура сбора материала

В ходе подготовки данного исследования использовались три типа источников:

- публикации полевых текстов [Церетели 1965; Younansardaroud 2001; Khan 2016],
- данные полевого исследования урмийских идиомов села Урмия¹⁰ (Краснодарский край), в котором участвовал сам автор,
- электронный корпус литературных текстов.

Существует большой корпус опубликованных текстов, созданных на ассирийском литературном языке, в основном с использованием сирийского письма. Часть литературных урмийских текстов была опубликована с использованием латинизированного алфавита (т. н. «ассирийский новый алфавит») в период, когда действовала программа латинизации целого ряда письменностей языков народов СССР в 1920–1930е гг.¹¹ В 2020 г. был открыт для пользователей электронный корпус литературных текстов на христианском урмийском новоарамейском (ассирийском) языке, напечатанных в СССР в период 1929–1938 г.¹² Главное преимущество этого корпуса перед записями полевых текстов состоит в его объеме, который значительно превосходит имеющиеся собрания полевых урмийских текстов, большая часть которых не оцифрована. Так, суммарный объем имеющихся полевых текстов не превышает 120 тыс. слов, тогда как объем размеченного корпуса ассирийского нового алфавита

¹⁰ Значительная часть населения села Урмия — потомки выходцев из Ирана, в частности из сельской местности вокруг города Урмия. Они являются носителями урмийских новоарамейских идиомов. Кроме того, в селе Урмия Краснодарского края живут и носители других новоарамейских диалектов.

¹¹ Большая часть сочинений на ассирийском языке публиковалась и до сих пор публикуется с использованием сирийского письма, — разновидности арамейского письма, которым записывался классический сирийский язык.

¹² <http://neo-aramaic.web-corpora.net/>.

с возможностями лексического и морфологического поиска сейчас составляет более 600 тыс. слов.

Полевое исследование урмийских идиомов села Урмия проводилось в два этапа (летние сезоны 2019 и 2021 гг.). В ходе этого коллективного исследования были собраны тексты объемом около 150 минут, глоссированные и доступные для поиска в программе FLEX.

Помимо изучения письменных и устных корпусов, использовалась элицитация, перевод предложений, в которых ожидается употребление сериальных конструкций с глаголом *parək* I. Список таких предложений был составлен на основе примеров, полученных при анализе корпусов. При записи и глоссировании примеров используется система, разработанная для проекта «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России». Используемая система транскрипции незначительно отличается от принятой в [Khan 2016]; отличия от системы транскрипции в книге Кхана и соответствия обозначениям МФА представлены в конце статьи в разделе *Приложение*. Примеры из ранее опубликованных корпусов нормализованы в соответствии с данной системой транскрипции.

Важно, что ассирийский литературный язык был создан именно на основе урмийских христианских устных идиомов. При их относительном разнообразии массив данных всех трех типов источников может рассматриваться как единый в рамках поставленной задачи¹³.

2. Сериальные глаголы в христианских урмийских идиомах

2.1. История исследования

Сериальные глаголы в некоторых разновидностях арамейских языков ранее становились предметом обсуждения. Так, Теодор

¹³ Например, если бы ставилась задача рассмотреть диалектные различия в лексике урмийских христианских идиомов, то источниковая база исследования

Нёльдеке в своей грамматике классического сирийского языка приводит несколько десятков примеров асиндетических двухглагольных конструкций, в которых один из глаголов является семантическим модификатором [Nöldeke 1880: 241–241, §337]. Похожие наблюдения над сериальными глаголами в классическом сирийском сделаны в [Muraoka 2005: 80–81], где указано, что в подобных конструкциях обычен общий субъект и что многие из глаголов, участвующих в этих конструкциях, обозначают движение. Особый интерес представляет работа [Andrason, Koo 2020], где обсуждается динамический диахронический подход к глагольной сериализации в приложении к семитским языкам в целом и сделаны выводы о положении библейского арамейского языка на шкале степени сериализации. В целом сериальные глагольные конструкции в арамейских и других семитских языках нередко рассматривались с точки зрения традиционных подходов как т. н. гендиадисы или асиндетические двухглагольные конструкции, обозначающие одно событие (мандейский (арамейский) язык — [Nöldeke 1875: 441–445]; вавилонский арамейский — [Bar-Asher Siegal 2016]; северо-восточные новоарамейские диалекты — [Krotkoff 1982; Khan 1999, 2002, 2004, 2008a, 2008b, 2009]; аккадский язык — [Kraus 1987]; библейский древнееврейский язык — [Chrzanowski 2011]). Использование новейших подходов к этому явлению в семитских языках, рассмотрение этих глагольных конструкций именно как сериальных, можно обнаружить, например, в работах Александра Эндрасона [Andrason 2019a, 2019b; Andrason, Koo 2020; Andrason, Vita 2020]¹⁴.

Впервые сериальные глагольные конструкции в урмийском христианском диалекте фактически были выявлены автором учебной грамматики ассирийского литературного языка К. Марогуловым

была бы иной и данные литературного языка играли бы в таком исследовании лишь вспомогательную роль.

¹⁴ Более подробно с библиографией работ о сериальных глаголах в арамейских и в других семитских языках можно ознакомиться в [Andrason 2020]. Добавим немаловажную русскоязычную работу [Скородумова 2010] на материале древнееврейского языка и современного иврита.

[Marogulov 1935, § 88] В трактовке этих двухглагольных конструкций, которые он анализирует на примере глаголов движения, автор исходит из представления об их симметричности: «Иногда необходимо передать эти два аспекта действия одновременно, то есть способ действия [= способ перемещения] и его результат [= направление движения]. В таких случаях два глагола соединяются» (Ibid.). Эти конструкции, называемые автором «соединенными глаголами» (*milləli zuvviggi*), по его мнению чаще всего строятся на «второй основе» (=прогрессив), но встречаются и в других формах¹⁵; при этом оба глагола «должны быть согласованы относительно времени». Кроме того, отмечается, что глагольные словоформы в такой конструкции соединяются дефисом: *prixlun-xişlun* ‘они улетели’¹⁶. Во втором издании своей грамматики К. Марогулов несколько расширил список примеров, в частности, включив примеры с основами результата¹⁷ [Marogulov 1936, § 132].

В грамматическом описании урмийских христианских идиомов Дж. Кхана сериальные глагольные конструкции рассматриваются в разделе «Границы интонационной группы» среди прочих просодико-синтаксических явлений [Khan 2016: 431–435]. В частности, автор отмечает следующие характеристики приводимых им глагольных конструкций:

— они могут включать более двух глаголов (это противоречит наблюдениям Марогулова), пример (3);

¹⁵ Сейчас очевидно, что это наблюдение лишь отражает наибольшую частотность форм прогрессива по сравнению с другими видо-временными формами в урмийских идиомах, что справедливо для любых глаголов, как сериальных, так и несериальных.

¹⁶ Орфография текстов нового алфавита была разработана небольшой группой экспертов, в которую входил сам К. Марогулов (см. [Lyavdansky, to appear]). К замечанию о наличии дефиса имеет смысл относиться, с одной стороны, как к предписывающему некую норму орфографии; с другой стороны, у него есть и описательный смысл: вероятно, таким образом автор выразил свое представление о фонетической слитности отрезка, состоящего из «соединенных глаголов».

¹⁷ В первом издании грамматики К. Марогулова [Marogulov 1935] давались примеры только с основами претерита и прогрессива.

- отсутствие соединительного союза между глагольными словоформами;
- серия таких клауз¹⁸, как правило, имеет общий субъект;
- словоформы RES и PROG, входящие в такие конструкции, как правило, имеют общую копулу справа (4)¹⁹;
- словоформы, входящие в такие конструкции, как правило, имеют общий показатель объекта на второй словоформе (5), (6);
- у группы словоформ PST может быть общий показатель субъекта (6)²⁰;
- общее отрицание для обеих словоформ;
- между двумя членами конструкции могут располагаться неглагольные формы;
- показатель хабитуалиса для группы глагольных словоформ обычно общий (7);
- наиболее продуктивны конструкции, в которых первую позицию занимает глагол движения;
- особенно частотен глагол *kaɣəm* ‘встать’, часто в императивных конструкциях (3);
- иногда в конструкцию входят синонимичные глаголы (8).

(3) *ku ta +vur +čay šti*
 вставать.IMP приходить.IMP входить.IMP чай пить.IMP
 ‘Давай заходи, попей чаю’. [Khan 2016, Vol. II: 431]

(4) *+Axikar +pláta bərráxš=ələ*
 Ахикар выходить.PROG идти.PROG=3M
 ‘Ахикар уходит’. [Khan 2016, Vol. II: 431]

¹⁸ Из этого наблюдения видно, что Дж. Кхан не рассматривает эти конструкции как моноклаузальные.

¹⁹ Ситуация, демонстрируемая в (8), где обе финитные формы включают копулу, встречается чрезвычайно редко и не показательна для урмийских серийных конструкций.

²⁰ В отличие от конструкций с PROG и REL, где в большинстве случаев имеется один общий показатель субъекта (копула), конструкции с формами PST чрезвычайно редко имеют общий L-суффикс.

- (5) *škúl lvùš-lun*
 брать.IMP надевать.IMP-LS.3PL
 ‘Надень их’. [Khan 2016, Vol. II: 432]
- (6) *'ina cùllə škəl-lubl-é-lun*
 но все взять.PST-унести.PST-SS.3PL-LS.3PL
 ‘Но они все забрали’. [Khan 2016, Vol. II: 432]
- (7) *xa yála láxxa ci-davák-lun bašál-lun*
 один мальчик здесь НАВ-схватить.PRS-LS.3PL варить.PRS-LS.3PL
 ‘Мальчик здесь ловит и варит их’. [Khan 2016, Vol. II: 434]
- (8) *+maxúl=əla maštúy=əla*
 кормить.PROG=3F поить.PROG=3F
 ‘Она кормит и поит’. [Khan 2016, Vol. II: 435]

Во многом наблюдения Кхана согласуются с тем, что обнаруживается в сериальных глагольных конструкциях в понимании, изложенном в *Разделе 1* настоящей статьи. Важно, что этот автор не рассматривает данные конструкции как моноклаузальные. Правда, Дж. Кхан и не обсуждает эту проблему, которая в работах о сериальных конструкциях часто стоит на первом плане.

Таким образом, можно констатировать, что сериальные глагольные конструкции в урмийских идиомах прежде не рассматривались в контексте современных подходов к этому явлению.

2.2. Сериальные глагольные конструкции в литературном корпусе

В корпусе литературных текстов на урмийских идиомах данные о сериальных конструкциях собирались несколькими способами: вычиткой отдельных текстов; поиском в нескольких текстах по формам, соединенным дефисами; поиском по сочетанию полей с использованием разметки в электронном корпусе. В итоге собрано 540 примеров, которые могут быть отнесены к 310 конструкциям, определяемым

лексически как пара глаголов. Изредка встречаются конструкции из трех и более глаголов.

Насколько велика плотность сериальных конструкций в литературных текстах на урмийских идиомах? Можно ли говорить о том, что урмийский диалект — «сериализирующий» язык? Подсчет по одному из литературных текстов (перевод рассказа И. С. Тургенева «Муму» на ассирийский язык) демонстрирует следующее: из 1031 глагольных клауз 31 содержат сериальную конструкцию (3 %). Для сравнения: некоторые языки Новой Гвинеи демонстрируют гораздо бóльшую плотность сериальных конструкций — от 18 % до 90 % [Givón 1991: 114]. Подсчет по корпусу русского языка НКРЯ демонстрирует, что сериальные конструкции обнаруживаются в 0,035 % от общего числа финитных глагольных клауз [Стойнова, Шлуинский 2013: 52]. По-видимому, урмийские идиомы характеризуются относительно низкой плотностью сериальных клауз, но они далеки от самых нижних значений шкалы сериальности.

Выборка самых частотных сериальных конструкций в литературном корпусе (*Таблица 2*, с. 207) демонстрирует, что наиболее употребимы конструкции с глаголами движения как в обоих слотах (13 пар), так и в паре с другими глаголами (еще две пары, всего 15 пар из 17). Высокий процент глаголов движения в общем объеме сериальных конструкций отвечает типологическому предсказанию в [Foley, Olson 1985]. Прочие глаголы представлены парами ‘смешивать(ся) / смешиваться’²¹ и ‘есть / заканчивать(ся)’. Первая из этих пар представляет собой пример хорошо известных симметричных «лексических» сериальных конструкций, где ни один из глаголов не является семантическим модификатором. Вторая, с глаголом ‘заканчивать(ся)’, относится к широко распространенным конструкциям, в которых глагол — семантический модификатор функционирует как аспектуальный показатель.

²¹ Пример синонимичной сериальной конструкции, см. [Aikhenvald 2018: 79–80].

Таблица 2. Наиболее частотные сериальные конструкции в литературном корпусе²²

Table 2. The most frequent serial verb constructions in the corpus of literary texts

Конструкция	Значения	Формы	Кол-во
<i>+avər — azəl</i>	‘enter’ — ‘go’	PROG, PST, RES, PTCP.ACT	30
<i>azəl — atə</i>	‘go’ — ‘come’	PROG, PST, RES, PRS, NMLZ, PTCP.ACT	20
<i>+raxət — atə</i>	‘run’ — ‘come’	PST, IMP	19
<i>+xavət — xarbəš</i>	‘mix’ — ‘become mixed up’	PROG, PST, RES, NMLZ	15
<i>šavək — azəl</i>	‘leave’ — ‘go’	PROG, INF, PST, RES	12
<i>atə — +palət I</i> ²³	‘come’ — ‘leave’	PST, RES	9
<i>+xadər — avə</i>	‘go around’ — ‘be’	PROG, PST, RES	9
<i>talək I — azəl</i>	‘disappear’ — ‘go’	PROG, PST, PRS	7
<i>+raxət — +palət I</i>	‘run’ — ‘leave’	PROG, PST, RES	6
<i>atə — +avər</i>	‘come’ — ‘enter’	PST, IMP	6
<i>parəx — atə</i>	‘fly’ — ‘come’	PROG, PST, PRS	6
<i>+raxət — azəl</i>	‘run’ — ‘go’	PROG, PST, PRS	6
<i>arək — azəl</i>	‘flee’ — ‘go’	PST, RES	5
<i>atə — yatəv</i>	‘come’ — ‘sit’	IMP	5
<i>+axəl — parək I</i>	‘eat’ — ‘finish’	PST, RES, PRS	5
<i>+palət I — azəl</i>	‘leave’ — ‘go’	PROG, PST, RES	5
<i>parəx — azəl</i>	‘fly’ — ‘go’	PROG, PST	5

²² Полужирным выделены те грамемы, которые количественно явным образом превалируют над другими.

²³ Цифра I при глагольной лемме обозначает I породу. Она ставится в тех случаях, когда один и тот же глагольный корень образует глаголы как I, так и II породы, леммы которых (формы инфекта 3 л. ед. ч. м. р.) совпадают без указания на номер породы.

Возможно, более показательными для оценки всего спектра значений, кодируемых сериальными конструкциями, являются данные об общей частотности конструкций с тем или иным глаголом. Так, например, согласно *Таблице 2*, глагол *azəl* ‘идти’ представлен 8 конструкциями, зафиксированными в 80 примерах. Глагол *atə* ‘приходить’ — 6 конструкций, 65 примеров; глагол *+avər* ‘входить’ — 2 конструкции, 36 примеров. И наконец, «идеальной» статистикой была бы такая, которая бы учитывала частотность того или иного глагола в роли семантического модификатора. Такие данные можно получить, только внимательно изучив употребления этих конструкций. В данной работе это проделано на примере конструкций, в которых участвует глагол *parək I* (см. *Раздел 3*).

Роль отдельного глагола хорошо демонстрирует пример (3) из левого текста, в котором, помимо частотной конструкции *atə / avər* ‘прийти’ / ‘войти’ присутствует не менее частотный в сериальных конструкциях глагол *kaʷət* ‘вставать’, который здесь выступает в роли семантического модификатора для всей конструкции из четырех глаголов.

Если говорить о частотности отдельных глаголов и продуктивности при образовании конструкции во всей группе из 540 примеров, то наиболее частотными также оказываются глаголы движения: *azəl* ‘идти’ (38 пар), *atə* ‘прийти’ (17 пар), *paləʔ I* ‘уйти’ (14), *avər* ‘войти’ (9 пар). Из глаголов позиции относительно частотен в сериальных конструкциях *yatəv* ‘сидеть’ (8 пар). На фоне этих цифр примечательна относительно высокая частотность фазового глагола *parək I* ‘заканчиваться’, который образует 18 пар, зафиксированных в 21 примере.

Глагол *baxə* ‘плакать’ образует разнообразные конструкции, в которых он, по-видимому, является лексическим глаголом (всего 9 употреблений). Он образует 7 парных конструкций с глаголами *+barbər* ‘кричать, выть’, *catcət* ‘рыдать’, *yalə* ‘вопить, завывать’ и *šapləp* ‘умолять’. В отличие, например, от глаголов *parək I* и *šakəl*, всегда занимающих определенную (*parək I* — вторую, *šakəl* — вторую) позицию в конструкции, глагол *baxə* в сериальных конструкциях может располагаться как на первой, так и на непервой позиции.

Прочие глаголы, относительно частотные в сериальных конструкциях: *maʷə* ‘приносить’ (9 пар), *labəl* ‘уносить’ (8 пар), *+matə*

‘достичь’ (6 пар). Судя по употреблением *mauə* и *labəl*, эти глаголы семантически близки глаголу *šakəl* и могут быть объединены в группу с условным семантическим наименованием *take — bring*²⁴, имеющую множество типологических параллелей в языках мира [Givón 1991: 100; Aikhenvald 2018: 64; Шлуинский 2018: 160].

Общий семантический профиль рассмотренных здесь наиболее частотных сериальных конструкций вполне узнаваем: глаголы движения, позиции, группа *take — bring* типологически предсказуемы в такой роли [Aikhenvald 2006: 22, 33, 47]. С другой стороны, наличие немалого числа примеров с глаголом *baxə* ‘плакать’ говорит о том, что сериальные конструкции в урмийских идиомах затрагивают и нетривиальные семантические группы. Если говорить о других признаках относительно высокой сериальности, то может быть использован критерий употребимости этих конструкций с отрицанием [Andrason 2020: 27]. Среди 540 выявленных примеров был обнаружен один пример сериальной конструкции с отрицанием:

- (9) *l hadxa šaxlapta mağğəbanta leva*
 для так изменение(F) удивительный(F) NEG.3.RETR
tuxtənnə +mətuə up catav=ət
 думать.RES.PL дойти.RES.PL даже писатель(PL)=REL
mitəlyat=ət ureta
 басня(PL)=REL Библия(F)

‘До такого чудесного превращения не додумались и библейские баснописцы’. (Литературный корпус)

2.3. Сериальные конструкции в устных текстах и других полевых материалах

Опубликованные записи полевых текстов на урмийских христианских идиомах неравноценны относительно полноты сведений,

²⁴ Ср. выделение такой группы сериальных глаголов в библейском арамейском языке [Andrason 2020: 19].

необходимых для всестороннего анализа сериальных глагольных конструкций. Самым существенным моментом здесь являются данные о границах интонационных групп. В этом отношении наиболее надежным источником является подборка текстов в книге Дж. Кхана, где каждая интонационная группа отмечена специальным знаком (|), а также дано фразовое ударение (◌̇): +*tləbla* | *mən*-+*Mar*-+*Zəyya* | *qat-avila xā brūna*. | 'á brūna | *tīlā vilā* | 'She requested St. Zayya (to allow) her to have a son. This son was born' [Khan 2016 III: 312]. В текстах, собранных Х. Юнансардаруд, не отмечены границы интонационных групп [Younansardaroud 2001], но можно воспользоваться аудиозаписями, размещенными на портале Semitisches Tonarchiv²⁵. Наибольшие трудности представляет использование данных в текстах Церетели, где никак не отмечены интонационные группы и аудиозаписи недоступны.

Выборочный просмотр публикаций полевых текстов и подборка примеров в [Khan 2016] подтверждает частотность отдельных конструкций, отмеченных в литературном корпусе. В полевых текстах было обнаружено 17 конструкций, известных из литературного корпуса: *arək* / *azəl* 'убежать' / 'идти', *arək* / *parək* I 'убежать' / 'закончиться', *atə* / *avə* 'прийти' / 'быть', *atə* / +*avər* 'прийти' / 'пройти', *atə* / +*maṭə* 'прийти' / 'дойти', *atə* / *yatəv* 'прийти' / 'сидеть', *avə* / *parək* I 'быть' / 'закончиться', +*avər* / *azəl* 'пройти' / 'идти', +*axəl* / *parək* 'есть' / 'закончиться', +*axəl* / *šatə* 'есть' / 'пить', *azəl* / *atə* 'идти' / 'прийти', *azəl* / *maṭə* 'идти' / 'дойти', *paləṭ* I / *azəl* 'закончиться' / 'идти', *parəx* / *azəl* 'лететь' / 'идти', *šakəl* / *darə* 'взять' / 'лить', *šavək* / *azəl* 'оставить' / 'идти', *ṭarə* / *azəl* 'гнать' / 'идти'.

В частности, подтвердилось не только наличие, но и паттерн употребления конструкции *atə* / *yatəv*, которая в литературном корпусе встречается только в императиве (см. Таблицу 2):

- (10) *ta* *tuy* *laxxa*, *lišana* *surayə* *hamzəmm-ax*
 прийти.IMP сидеть.IMP здесь язык ассириец.PL говорить.PRS-SS.1PL
 'Давай садись, поговорим по-ассирийски'. (Полевые материалы, консультант 1)

²⁵ <https://semarch.ub.uni-heidelberg.de/#archive> (дата обращения: 14.10.2021).

Кроме того, выявлены 25 «новых» конструкций, пока не обнаруженных в литературном корпусе: *atə* / +*marrə* ‘прийти’ / ‘(за)болеть’, *atə* / *parək* I ‘прийти’ / ‘закончиться’, *azəl* / +*avər* ‘идти’ / ‘пройти’, *azəl* / *axəl* ‘идти’ / ‘есть’, *azəl* / +*marəç* ‘идти’ / ‘давить’, *azəl* / *xazə* ‘идти’ / ‘видеть’, *bašəl* I / *parək* I ‘вариться’ / ‘закончиться’, *catəv* / *parək* ‘писать’ / ‘закончиться’, *davək* / *parəm* ‘взять’ / ‘резать’, *davək riša* / *azəl* ‘взять’ (букв. ‘схватить свою голову’) / ‘идти’, +*katəl* / *parək* I ‘убить’ / ‘закончиться’, *kayəm* / *calə* ‘встать’ / ‘стоять’, *kayəm* / *parək* I ‘встать’ / ‘закончиться’, *labəl* / *mauə* ‘нести’ / ‘приносить’, *mauə* / *darə* ‘приносить’ / ‘лить’, *mauə* / *matə šəmna* ‘приносить’ / ‘именовать’, *mauə* / *maxəl* ‘приносить’ / ‘кормить’, *mauə* / *xardə* ‘приносить’ / ‘окружать’, *šakəl* / *atər* ‘взять’ / ‘сказать’, *šakəl* / *atə* ‘взять’ / ‘прийти’, *šakəl* / *davək* ‘взять’ / ‘схватить’, *šakəl* / *garəš* ‘взять’ / ‘прогнать’, *šakəl* / *tarəp* ‘взять’ / ‘бросить’, *xanək* / *parək* ‘задушить’ / ‘закончиться’, *xašəl* / *parək* ‘толочь’ / ‘закончиться’, *zamər* / *parək* ‘петь’ / ‘закончиться’. Полевые данные, в частности, существенно дополняют сведения о частотности конструкций с глаголом *šakəl* ‘брать’, который неизменно расположен на первой позиции в этих конструкциях, где он является семантическим модификатором. Особенно много таких примеров в текстах, записанных Церетели:

- (11) *xarta škəl-la Qonax mər-ra*
 потом брать.PST-LS.3F Колах сказать.PST-LS.3F
 ‘Потом Колах взяла и сказала: <...>. [Церетели 1965]

В целом имеющиеся примеры сериальных конструкций как из литературного корпуса, так и из полевых текстов отвечают тем критериям сериальных конструкций, которые были предложены в разделе «Введение», и в основном подтверждают наблюдения, сделанные К. И. Марогуловым и Дж. Кханом. Для дальнейшей дискуссии, в частности, в связи с ареальными параллелями к употреблению глагола *parək* I, важно то, что некоторые значения, кодируемые сериальными конструкциями, могут выражаться другим способом, преимущественно с помощью редупликации инфинитива. В примерах (12) и (13) способ передвижения, обозначаемый глаголом *šapšəp* ‘ползти, волочить ноги’, передан разными средствами — сериальной конструкцией (12) и редупликацией инфинитива (13).

- (12) *šupšəp-la ti-la kəs saradar=ət +tarra*
 ползти.PST-LS.3F прийти.PST-LS.3F к косяк=REL дверь
 ‘Она поплелась к притолоке’. (Литературный корпус)
- (13) *Qapiton ... šapšupə šapšupə plət-lə*
 Капитон ползти.INF ползти.INF уйти.PST-LS.3M
 ‘Капитон <...> поплелся вон’. (Литературный корпус)

3. Глагол *parək I* в сериальных конструкциях

Глагол *parək I*, как правило, имеет непереходное значение ‘закончиться’ с неодушевленными подлежащими (14). С одушевленными подлежащими этот глагол приобретает специфические значения, например, ‘погибнуть’ (15) или ‘спастись’ (16). Глагол *parək I* также часто употребляется как фазовый глагол с сентенциальным актантом, выраженным инфинитивом и вводимым предлогом *tən* ‘от, из’ в значении ‘закончить’ (17). Видимо, с этим связано и наличие переходных безобъектных употреблений этого глагола (18).

- (14) *i átxa=da prák=əla məttəlta*
 и так=тоже закончиться.PROG=3F история(F)
 ‘Так заканчивается (эта) история’. (Полевые материалы, консультант 2)
- (15) *gán-o +rupp-á-la +al sépa*
 REFL(F)-P.3F бросить.PST-SS.3F-LS.3F на меч(M)
u prák-la.
 и закончиться.PST-LS.3F
 ‘Она бросилась на меч и погибла’. [Khan 2016]
- (16) *at b d-áyuu park-ítən*
 ты в OBL-DEM.2F закончиться.PRS-SS.2M
 ‘Ты этим спасешься’. [Khan 2016]

- (17) *prək-lun* *mən zmar=ət* *durəggə*
закончиться.PST-LS.3PL от петь.INF=REL песня(М).PL
‘Они закончили петь духовные песни’. (Литературный корпус)
- (18) *mbar=ət* *ana prək-li*,
после=REL я закончиться.PST-LS.1SG
+*av šəš-lə* *riš-u* *u mər-rə*
он качать.PST-LS.3M голова(М)-Р.3М и сказать.PST-LS.3M
‘Когда я кончил (говорить), он покачал головой и сказал <...>’.
(Литературный корпус)

Глагол *parək* II имеет только переходные значения: ‘закончить’ с субстантивным дополнением (19) и ‘спасти’ (20).

- (19) *ayən purk-a-la* *madrašta*
она закончить.PST-SS.3F-LS.3F школа(F)
‘Она закончила школу’. (Полевые материалы, консультант 3)
- (20) *purək-lux* *ka dīyū-i* *mən mōta*
закончить.PST-LS.2M к OBL.PRON-P.1SG от смерть(М)
‘Ты спас меня от смерти’. [Khan 2016]

Данные о сериальных глагольных конструкциях с глаголом *parək* I, собранные для настоящего исследования, составляют 36 употреблений из корпуса литературных текстов (21) и из полевых текстов (15). Глагол *parək* I употребляется как с переходными глаголами (+*ğammə* ‘собирать’, +*karə* ‘читать’, +*kaṭəl* ‘убивать’, *xanək* ‘душить’, *xašəl* ‘толочь’, *zarəz* ‘приготовить’), так и с непереходными, как с агентивными (*arək* ‘убежать’, *atə* ‘прийти’, *hamzəm* ‘говорить’, *kaṭəm* ‘встать’, *saxə* ‘мыться’, *šaṭək* ‘молчать, замолчать’, *zəmər* ‘петь’), так и с пациентивными (*avə* ‘быть, становиться’, *bašəl* ‘вариться’, +*kaṭə* ‘прерваться’, *maṭət* ‘умирать’, *panə* ‘умирать, погибать’, *šayəs* ‘сдуться’). Некоторые переходные глаголы в конструкциях с *parək* I употребляются безобъектно: +*axəl* ‘есть’, *šatə* ‘пить’, *zəmər* ‘петь’. Глаголы состояния с *parək* I не употребляются, судя по собранным примерам. Наиболее частотна конструкция с глаголом

+*axəl* ‘есть’²⁶: она представлена во всех видо-временных формах, обнаруживается как в литературном корпусе, так и в полевых текстах (всего 10 употреблений). Во всех собранных примерах глагол *parək* I занимает вторую позицию в сериальной конструкции.

Как уже отмечалось выше, в формах от основы инфекта глаголы *parək* I и *parək* II омонимичны. Поэтому интерпретация таких форм в ряде случаев может оказаться спорной. Поскольку *parək* I не имеет при себе прямого дополнения, формы *parək* со слитным местоименным дополнением должны относиться к *parək* II (21).

- (21) *xuš* +*av* +*suryatə* *garəš* *parək-lun*
 пусть он картина(F).PL рисовать.PRS закончить.PRS-LS.3PL
 ‘Пускай он иконостас кончит (писать)’. (Литературный корпус)

Когда глагол *parək* I употребляется в паре с переходным глаголом, два глагола — участника сериальной конструкции имеют разную актантную структуру:

- (22) +*kʰil-e-la* *prək-la*
 убить.PST-SS.3PL-LS.3F закончиться.PST-LS.3F
 ‘Она поубивала их (всех гнид и вшей)’. [Церетели 1965]

На смысловом глаголе +*kaʔəl* индексируется прямое дополнение, а глагол *parək* I имеет здесь иную модель управления, он сохраняет свое непереходное значение или употребляется безобъектно. Поэтому в тех случаях, когда конструкция с глаголом *parək* употреблена в инфекте без индексирования на этом глаголе прямого дополнения, есть основания интерпретировать эти формы как формы глагола *parək* I, а не *parək* II. Предположительно, формы *parək* II в подобных контекстах зарезервированы для тех случаев, когда требуется обозначить прямое дополнение. В этой связи интересна пара контрастных употреблений *parək* I (23a) и *parək* II (23b), для которых консультантом были предложены пояснения, касающиеся контекста:

²⁶ Предположительно, это связано с высокой частотностью самого глагола *axəl*. Относительно небольшое число обнаруженных употреблений *parək* I в сериальных конструкциях не позволяет здесь делать однозначные выводы, основанные на статистике.

- (23) а. Контекст: говорящий спешит и в нетерпении подгоняет адресата.

xul pruk

есть.ІМР закончиться.ІМР

‘Доедай!’ (Полевые материалы, консультант 1)

- б. Контекст: говорящему важно, чтобы вся еда была съедена.

xul parək-lə

есть.ІМР закончиться.ІМР-LS.3М

‘Доедай это’. (Полевые материалы, консультант 1)

Наиболее характерной функцией глагола *parək* I в сериальных конструкциях, по-видимому, является выражение аспектуального значения комплетива (24)–(26): глагол *parək* I обозначает, что ситуация, описываемая смысловым глаголом, достигает своего логического предела. При этом часто в контексте присутствует универсальный квантор *cullə* ‘все’, либо кореферентный субъекту непереходного смыслового глагола (24), либо являющийся прямым дополнением при смысловом переходном глаголе (25). В обоих случаях речь идет об инкрементальном аргументе.

- (24) *košin=ət malcavay cullə rək-le*
 войско(F).PL=REL царь(M).PL все убежать.PST-LS.3PL

prək-le

закончиться.PST-LS.3PL

‘И все войска царей разбежались’. [Церетели 1965]

- (25) *+kātu=da bərrəxš=əla| cullə +bixəl=əla*
 кошка(F)=тоже идти.PROG=3F все есть.PROG=3F

prək=əla

закончиться.PROG=3F

‘Кошка приходит и съедает это все’. [Khan 2016]

- (26) Контекст: (перевод в разборе текста) Во время варки (<...> закончил вариться, отдельно растапливаешь масло.

bšál=əl

prək=əl,

bi nōš-u

вариться.PROG=3М

закончиться.PROG=3М

с сам(F)-P.3М

kalíy=əx +*cárra*
жарить.PROG=1PL масло(М)

‘(Когда) закончил вариться (суп), отдельно растапливаем масло’²⁷. (Полевые материалы, консультант 3)

Некоторые другие употребления конструкций с *parək* I демонстрируют значение перфектива (27). В этом случае на первом плане — не завершение какой-то ситуации или процесса, а отсылка к событию в целом. Здесь сериальная клауза с *parək* I обозначает одно из событий в нарративной цепочке.

- (27) Контекст: ‘Она пошла туда и сказала: «Вот я принесла завтрак для вас. Давайте сядем и поедим вместе». Они поели. Он сказал: ⟨...⟩’
+*xəl-lun* *prək-lun*.
есть.PST-3PL закончиться.PST-3PL
‘Они поели’. [Khan 2016]

В примерах (24)–(27) глагол *parək* I является семантическим модификатором с функцией аспектуального показателя комплетива или перфектива. В одном из специфических употреблений сериальных конструкций глагол *parək* I, по-видимому, является не семантическим модификатором, а лексическим глаголом. Речь идет о той ситуации, когда говорящий хочет сообщить, что произносимый им повествовательный текст завершился (28), (29). О том, что здесь форма *prək-la* является лексическим глаголом, говорят другие употребления, когда ровно в такой же ситуации используется только глагол *parək* I: *átxa=da prák=əla mətətla* ‘Так заканчивается эта история’ (14)²⁸.

- (28) *mətətla tí-la* *prək-la*
сказка(Ф) приходить.PST-LS.3F закончиться.PST-LS.3F
‘На этом сказка закончилась’. (Полевые материалы, консультант 1)

²⁷ Возможно альтернативное понимание, но тоже в пределах комплетивной интерпретации: «Пока доваривается (суп)...».

²⁸ Ср. аналогичное употребление в родственном диалекте шапытна: *hənnə hatxa prəkla əyü matla* ‘вот так закончилась эта история’ (Полевые материалы, консультант 4).

- (29) *vi-la* *prək-la* *á* *məttálda* *ʔtxa*
 быть.PST-LS.3F закончиться.PST-LS.3F DEM1.F сказка(F) так

‘Так закончилась эта сказка’. [Khan 2016]

Приведенные выше примеры демонстрируют, что двухглагольные конструкции с глаголом *parək* I отвечают основным критериям «сериальности». Один из наиболее проблемных критериев сериальной глагольной конструкции, моноклаузальность, заслуживает особого внимания. Если использовать метод, предложенный в [Foley, Olson 1984], то моноклаузальность некоторых употреблений обсуждаемых конструкций может быть продемонстрирована следующим образом. Предположим, те два глагола, которые входят в конструкцию, употреблены в том же контексте с соединительным союзом, и мы имеем в этом отрезке текста не одну клаузу, а две (26): ‘Она пошла туда и сказала: «Вот я принесла для вас завтрак. Давайте посидим и поедим вместе». **Они ели и они кончили.** Он сказал: «Ты знаешь, что (...)»’. Обнаруживается, что при такой трансформации глаголы, входящие в сериальную конструкцию, прагматически и стилистически неприемлемы в рассматриваемом контексте.

Рассмотрим также пример (30), где две глагольные формы (одна из них — *parək* I) отвечают критериям сериальности, но не образуют сериальную конструкцию, поскольку эти две формы не входят в одну интонационную группу и тем самым не образуют одну клаузу. Позиция глагола *parək* I на первом месте в этой цепочке также не поддерживает сериальную интерпретацию данного примера.

- (30) *adiyya* *šakiyyáy* *ləttən.*| *prək-le.*|
 сейчас канал(F).PL NEG.EXI закончиться.PST-LS.3PL
tləx-le.|
 разрушиться.PST-LS.3PL

‘Теперь нет ирригационных каналов. Они исчезли. Они разрушились’. [Khan 2016]

К особым случаям употребления глагола *parək* I относится «застывшая» конструкция, состоящая из форм претерита 3 л. ж. р. ед. ч. глаголов *parək* I и *azəl* ‘идти’:

- (31) Контекст: — Флотские двух мест мануфактуры хватились...
Ищут. — Ну? — спросил Челкаш, спокойно смерив его
глазами. — Чего — ну? Ищут, мол. Больше ничего.
+tavvuy=ina bar-e, prək-la xəš-la
искать.PROG=3PL за-Р.3PL закончиться.PST-LS.3F идти.PST-LS.3F
‘Ищут их. Вот и все’. (Литературный корпус)

Большая часть примеров этой конструкции, по-видимому, функционирующей как дискурсивный маркер, известна из литературного корпуса. Консультанты — носители урмийских идиомов в селе Урмия подтверждают употребимость этой конструкции в соответствующих дискурсивных контекстах, но отмечают, что предпочитают в этих случаях использовать только форму *prək-la* (закончиться.PST-LS.3F). Аргументация при обсуждении примеров (28), (29) подсказывает вывод, что в данной конструкции глагол *parək* I является смысловым глаголом, а глагол *azəl* — семантическим модификатором.

У последовательности *prəkla xəšla* есть основные признаки сериальных глагольных конструкций, но морфологические и контекстуальные ограничения, накладываемые на ее употребление, не позволяют считать ее сериальной глагольной конструкцией.

4. Типологические, арамейстические и ареальные параллели

Сериальные конструкции с глаголами, имеющими значение ‘заканчивать(ся)’, хорошо известны в языках разных языковых семей [Givón 1991; Csató 2001; Шлуинский 2018]. Как правило, соответствующие глаголы-модификаторы в этих конструкциях функционируют как аспектуальные показатели комплетива [Givón 1991: 90; Aikhenvald 2018: 59], терминатива [Шлуинский 2018: 162] или перфектива [Givón 1991: 83].

Если говорить о сериальных глагольных конструкциях в современных арамейских языках или, шире, в арамейских языках в целом,

то этот вопрос остается малоизученным. В некоторых грамматических описаниях новоярамейских языков сериальные конструкции обсуждаются в контексте просодико-синтаксических явлений. В частности, в нескольких описаниях новоярамейских диалектов Дж. Кхана, построенных в целом по единой схеме, примеры сериальных конструкций приводятся в разделе «границы интонационной группы» [Khan 1999, 2002, 2004, 2008a, 2008b, 2009]. Как правило, Дж. Кхан приводит примеры конструкций из двух глагольных форм, где первым глаголом являются глаголы движения и изменения положения в пространстве: *qut* ‘встать’, *ytw* ‘сесть’, *’zl* ‘идти’, *’ty* (’*ly*) ‘прийти’.

Что касается употреблений глагола PRK, то наиболее близкие параллели обнаруживаются в диалектах ассирийцев, проживающих на р. Хабур²⁹. Как и в урмийском, *parək* I оказывается на втором месте в роли семантического модификатора (32), но может быть и на первой позиции (33).

- (32) *modər-ri* *prik-li*
 рвать.PST-LS.1SG заканчиваться.PST-LS.1SG
 ‘Меня вырвало (до конца)’. [Talay 2009: 16, диалект тйари]

- (33) Контекст: *xa biṭaya, xa bizala, xa biṭaya xa bizala hal d-ay-dana*
d kullay prəq̄lay xillay
 ‘Один приходил, другой уходил, один приходил, другой уходил, пока они все не поели’.

cullay *prək-lay* *xil-lay*
 все заканчиваться.PST-LS.3PL есть.PST-LS.3PL

‘Все они поели’. [Talay 2009 :308, диалект тал]

Урмийский диалект испытал наиболее сильное влияние азербайджанского языка, в меньшей степени — курдского и персидского языков. Об этом, в частности, говорят данные лексических заимствований, полученные автором при подсчете по глоссарию Дж. Кхана,

²⁹ В этих диалектах нельзя исключать некоторое влияние урмийских идиомов, поскольку уже около ста лет урмийский диалект используется как наддиалектный стандартизованный язык, в частности в ассирийских СМИ.

приводимому в его грамматике христианского урмийского диалекта [Khan 2016]. Так, количество азербайджанских заимствований составляет 595 слов (10,2 %), персидских — 404 (6,9 %), курдских — 141 (2,4 %) ³⁰. Даже учитывая, что это неточные данные ³¹, они в целом отражают общую картину и соответствуют представлению о том, что наиболее тесный контакт был именно с азербайджанским языком, поскольку носители этого языка составляют большинство в провинции Западный Иранский Азербайджан.

Изучение языковых контактов в районе г. Урмия осложнено тем, что все три выше названных языка сами находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Например, при выяснении вопроса о языке — источнике лексического заимствования часто приходится сталкиваться с тем, что искомый этимон обнаруживается во всех трех языках: урм. *čangal* ‘вилка’ (азер. *çəngəl*, перс. *čangāl*, курд. *çengal*), урм. *dana*, нумератив (азер. *dən*, перс. *dāne*, курд. *dane*).

Асимметричные двухглагольные конструкции, включающие типичные сериальные модификаторы, хорошо известны в тюркских

³⁰ Проценты даются от общего количества лексических вхождений в глоссарии Дж. Кхана (5823 вхождения). При подсчете учитывались те лексемы, для которых приводится этимон только из одного соответствующего языка; кроме того, учитывались те случаи, когда из нескольких возможных этимонов форма соответствующего языка-источника наиболее близка урмийской форме фонетически.

³¹ В глоссарии Дж. Кхана сделана попытка дать этимологию по возможности всем заимствованным словам, но выборочная их проверка показала, что они не полны. В частности, обнаруживается, что для ряда лексем, снабженных указанием на их персидский этимон, имеются также и азербайджанские лексические параллели, которые автор не приводит: *va* ‘и’ (перс. *va*, азерб. *və*), *vasyat/vasiyuat* ‘завещание’ (перс. *vasiyat*, азерб. *vəsiyuət*), *varaka* ‘лист бумаги’ (перс. *varaqa*, азерб. *vərəqə*), *vazzər* ‘визирь’ (перс. *vazīr*, азерб. *vəzir*). Учитывая общую картину языковых контактов в регионе Урмии, вероятнее всего эти слова были заимствованы в урмийский диалект не из персидского, а из азербайджанского языка. Таким образом, процент тюркизмов в урмийском лексиконе может быть в действительности еще выше, чем при подсчете по этимологическим данным, приводимым Дж. Кханом.

языках [Гращенков 2015; Csató 2001]. Идентификация их как сериальных глаголов спорна [Aikhenvald 2018]. Тем не менее они могут рассматриваться как источник заимствования (семантическая калька с элементами копирования синтаксической структуры). Так, приводимый Гращенковым пример подобной конструкции в азербайджанском языке (34) лексически соответствует сериальной конструкции в урмийском литературном тексте (35):

- (34) *китаб јандырылырса шаирин әсәрләри мәһв*
 книга если.сожжена поэтa труды смерть
олу-б кет-м-ур
 статья-CVV уходить-NEG-FUT

‘Даже если книга сжигается, то труды поэта не погибают’.
 [Ширалиев, Севортян 1971: 104]

- (35) *ур brun=ət alaha mən ğaldə*
 даже сын(М)=REL бог от быстро
viуua u mita xiš=ilə
 быть.RES.M и умирать.RES.M идти.RES.M=3М

‘Даже сын бога жил давно и умер’. (Литературный корпус)

Одна из самых частотных конструкций с глаголом *parək* I как модификатором в паре с глаголом ‘есть’ имеет свою параллель в азербайджанском языке:

- (36) *Ушаглар тез пайларыны јеј-иб гуртар-ды-лар*
 дети быстро их.доля есть-CVV кончать(ся)³²-PST-PL
 ‘Дети быстро съели свою долю’. [Ширалиев, Севортян 1971: 104]

Судя по описанию в грамматике азербайджанского языка [Ширалиев, Севортян 1971], а также по данным корпуса Turkic Web—Azerbaijani³³, глагол *qurtarmaq* ‘кончать(ся)’ весьма частотен

³² Глагол *qurtarmaq* лабилен: ‘1. кончать, ... 2. кончатся, ... 3. иссякать...’ [ARL III: 223].

³³ https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fturkic_az (дата обращения: 15.10.2021).

в конструкциях с конвербами³⁴. Его функция в этих конструкциях: «указывает на исчерпывающее совершение действия» (Ibid.).

Семантические соответствия между азербайджанскими конвербными и урмийскими сериальными конструкциями этими тремя примерами не ограничиваются. В *Таблице 3* представлены еще несколько примеров таких соответствий, обнаруженных в корпусе Turkic Web — Azerbaijani.

Таблица 3. Семантические соответствия азербайджанских конвербных и урмийских сериальных глагольных конструкций

Table 3. Semantic correspondences between Azerbaijani converbial constructions and Christian Urmi serial verb constructions

Значения	Урмийские идиомы	Азербайджанский язык
‘лететь’ / ‘идти (уйти)’	<i>parəx azəl</i>	<i>uçmaq getmək</i>
‘лететь’ / ‘прийти’	<i>parəx atə</i>	<i>uçmaq gəlmək</i>
‘бежать’ / ‘прийти’	<i>+raxət atə</i>	<i>qaçmaq gəlmək</i>
‘пройти’ / ‘идти’	<i>+avər azəl</i>	<i>keçmək getmək</i>
‘убежать’ / ‘идти’	<i>arək azəl</i>	<i>tələsik çıxmaq getmək qaçmaq getmək</i>

5. Заключение

Частотность сериальных глагольных конструкций в урмийских новоарамейских идиомах относительно низка по сравнению с классическими сериализующими языками, но значительно более высока, чем, например, в русском языке. При этом обзор семантики глаголов, наиболее употребимых в этих конструкциях, показал, что, помимо типологически ожидаемых семантических групп (движение,

³⁴ Гращенков специально не рассматривает конструкции с глаголом ‘заканчивать’, отмечая, что их семантика слишком тривиальна [Гращенков 2015: 33].

позиция, глаголы *take —bring*, глагол ‘заканчивать’), задействованы и нетривиальные семантические группы, представленные глаголом *baḫə* ‘плакать’.

В ряду других СГК конструкции с глаголом *parək I* относительно частотны. Данные о них получены как из литературных (21 пример), так и из полевых текстов (15 примеров). Глагол *parək I*, всегда занимающий в этих конструкциях позицию непервого глагола, может рассматриваться как семантический модификатор, имеющий значение аспектуального показателя перфектива или комплетива. Низкая частотность этих конструкций в общем пуле глагольных клауз, а также совершенно самостоятельное использование глагола *parək I* за пределами СГК говорят о том, что этот глагол может рассматриваться лишь как относительно грамматикализованный аспектуальный показатель. В некоторых случаях *parək I* в сериальных конструкциях оказывается смысловым глаголом, оставаясь на привычной для него второй позиции. «Застывшая» идиоматическая конструкция с глаголом ‘идти’ (*prəkla xəšla* ‘вот и все’), обладая некоторыми чертами сериальной конструкции, по сути таковой не является, поскольку она ограничена лишь употреблением в прошедшем времени, по традиции называемом «претерит».

Отмеченные в работе ареальные параллели указывают на то, что азербайджанский язык мог послужить источником калькирования сериальных глагольных конструкций в христианском урмийском новоарамейском. Эти наблюдения требуют дальнейшей проверки и уточнения. Необходимо привлечь более широкие данные азербайджанского языка, с учетом сведений об употреблении конструкций с конвербами в азербайджанских диалектах Ирана. Изучение курдских и персидских данных должно подтвердить или опровергнуть гипотезу о преимущественном влиянии азербайджанского языка на урмийские идиомы относительно лексического состава и структуры сериальных глагольных конструкций. Сведения о сериальных глагольных конструкциях в близкородственных древних арамейских языках (например, в классическом сирийском языке) помогут оценить роль языкового контакта в происхождении этих конструкций в изучаемом идиоме.

Список условных сокращений

СГК — сериальная глагольная конструкция; CVB — конверб; DEM1, DEM2 — указательные местоимения разных рядов; EXI — экзистенциальная связка; F — женский род; FUT — будущее время; HAV — хабиуталис; IMP — императив; INF — инфинитив; LS — L-суффикс; M — мужской род; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; OVL — показатель косвенного падежа или косвенной основы; P — притяжательность; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRON — местоимение; PRS — инфект (презенс); PST — прошедшее время; PTCR.ACT — активное причастие; REFL — возвратное местоимение; REL — релятор; RES — результатив; SS — S-суффикс.

Литература

- Гращенков 2015 — П. В. Гращенков. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: ЯСК, 2015.
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новонарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Акадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1998.
- Сай 2020 — С. С. Сай. Маркирование актантов двухместных предикатов в новонарамейских идиомах села Урмия // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 654–689. DOI: 10.30842/alp2306573716224.
- Скородумова 2010 — П. Ю. Скородумова. Сериальные конструкции в иврите. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Стойнова, Шлуинский 2013 — Н. М. Стойнова, А. Б. Шлуинский. Сериальные глагольные конструкции в русском языке. Доклад на конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». URL: <http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/handouts/stoynovashluinsky.pdf> (дата обращения 12.10.2021).
- Церетели 1965 — К. Г. Церетели. Материалы по арамейской диалектологии. Т. I. Урмийский диалект. Вып. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Ширалиев, Севортян 1971 — М. Ш. Ширалиев, Э. В. Севортян. Грамматика азербайджанского языка. Баку: Элм, 1971.
- Шлуинский 2014 — А. Б. Шлуинский. К типологии морфосинтаксиса «соединения событий» в поливербальных конструкциях // Rhema. Рема. 2014. Т. 4. С. 86–109.

- Шлуинский 2016 — А. Б. Шлуинский. Структурные характеристики сериальных конструкций в языках ква: внутригенетическая типология // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Т. XII. Ч. 1. С. 264–280.
- Шлуинский 2018 — А. Б. Шлуинский. Сериальные глагольные конструкции в языке акебу // *Типология морфосинтаксических параметров*. 2018. Т. 1. Вып. 1. С. 151–171.
- Aikhenvald 2006 — A. Yu. Aikhenvald. Serial Verb Constructions in Typological Perspective // A. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-linguistic Typology. (Exploration in Linguistic Typology 2)*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–68.
- Aikhenvald 2018 — A. Yu. Aikhenvald. *Serial Verbs*. Oxford: Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/OBO/9780199772810-0222.
- Andrason 2019a — A. Andrason. A Serial Verb Construction with the Verb ALĀKU “go” in Canaano-Akkadian // *Antiguo Oriente*. 2019. Vol. 17. P. 11–38.
- Andrason 2019b — A. Andrason. Categorical Gradience and Fuzziness: The QWM Gram (Serial Verb Construction) in Biblical Hebrew // G. Kotzé, Ch. S. Locatell, J. A. Messarra (eds.). *Ancient Texts and Modern Readers: Studies in Ancient Hebrew Linguistics and Bible Translation. (Studia Semitica Neerlandica 71)*. Leiden: Brill, 2019. P. 100–126. DOI: 10.1093/OBO/9780199772810-0222.
- Andrason 2020 — A. Andrason, B. Koo. Verbal Serialization in Biblical Aramaic: A Dynamic Network Approach // *Altorientalische Forschungen*. 2020. Vol. 47. No. 1. P. 3–33. DOI: 10.1515/afo-2020-0001.
- Andrason, Vita 2020 — A. Andrason, J. Vita. Serial Verb Construction in Ugaritic // *Aula Orientalis*. 2020. Vol. 38. № 1. P. 5–33.
- ARL — M. T. Taġiyev (red.). *Azərbaycanca-Rusca Lüğət*. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
- Bar-Asher Siegal 2016 — E. Bar-Asher Siegal. *Introduction to the Grammar of Jewish Babylonian Aramaic. (Lehrbücher orientalischer Sprachen 3/3)*. Münster: Ugarit-Verlag, 2016.
- Csató 2001 — E. Csató. Turkic double verbs in a typological perspective // K. H. Ebert, F. Zúñiga (eds.). *Aktionsart and aspectotemporality in non-European languages*. Zürich: Universität Zürich, 2001. P. 175–187.
- Foley, Olson 1984 — W. A. Foley, M. Olson. Clausehood and verb serialization // J. Nichols, A. C. Woodbury (eds.). *Grammar inside and outside the clause: Some Approaches to Theory from the Field*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 17–60.
- Givón 1991 — T. Givón. Serial Verbs and the Mental Reality of ‘Event’: Grammatical vs. Cognitive Packaging // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 81–127.

- Haspelmath 2016 — M. Haspelmath. The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-Linguistic Generalizations // *Language and Linguistics*. 2016. Vol. 17. Iss. 3. P. 291–319. DOI: 10.1177/2397002215626895.
- Khan 1999 — G. Khan. A grammar of Neo-Aramaic: the dialect of the Jews of Arbel. Leiden: Brill, 1999.
- Khan 2002 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of Qaraqosh. Leiden: Brill, 2002.
- Khan 2004 — G. Khan. The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Sulemaniyya and Ḥalabja. Leiden: Brill, 2004.
- Khan 2008a — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of Barwar. Leiden: Brill, 2008.
- Khan 2008b — G. Khan. The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Urmī. Piscataway NJ: Gorgias Press, 2008.
- Khan 2009 — G. Khan. The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Sanandaj. Piscataway NJ: Gorgias Press, 2009.
- Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmī (4 vols.). Leiden: Brill, 2016.
- Kraus 1987 — F. R. Kraus. Sonderformen akkadischer Parataxe: die Koppelungen. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitg., 1987.
- Lovestrand 2021 — J. Lovestrand. Serial verb constructions // *Annual Review of Linguistics*. 2021. Vol. 7. P. 109–130. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-031920-115317.
- Lyavdansky, to appear — A. Lyavdansky. Neo-Aramaic texts in the new alphabet published in the Soviet Union 1929–1938 // S. E. Fassberg, S. Hopkins, H. Mutzafi (eds.). *A Handbook of Neo-Aramaic*.
- Marogulov 1935 — Q. I. Marogulov. Grammatiqij qə mədrəsi d gurь [Грамматика для школ взрослых]. Mosqva: Basmahana d məlkutə d ktəvi d maqrəta u d pedagogiqə, 1935.
- Marogulov 1936 — Q. I. Marogulov. Grammatiqij d lişənə surəjə. D mədrəsə mьs'eta ləmlitə u mlitə. Səmə I. Morfologia. Qə klas d 5 [Грамматика ассирийского языка. Для неполной и полной средней школы. Ч. I. Морфология. Для 5-го класса]. Mosqva: Basmahana d məlkutə d ktəvi d maqrəta u d pedagogiqə, 1936.
- Muraoka 2005 — T. Muraoka. Classical Syriac: A basic grammar with a chrestomathy. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005.
- Nöldeke 1880 — Th. Nöldeke. Kurzgefasste syrische Grammatik. Leipzig: Weigel, 1880.
- Talay 2009 — Sh. Talay. Neuarāmäische Texte in den Dialekten der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009.
- Younansardaroud 2001 — H. Younansardaroud. Der neuostaramäische Dialekt von Sārdä:rīd. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.

References

- Aikhenvald 2006 — A. Yu. Aikhenvald. Serial Verb Constructions in Typological Perspective. A. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-linguistic Typology*. (Exploration in Linguistic Typology 2). Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–68.
- Aikhenvald 2018 — A. Yu. Aikhenvald. *Serial Verbs*. Oxford: Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/OBO/9780199772810-0222.
- Andrason 2019a — A. Andrason. A Serial Verb Construction with the Verb ALĀKU “go” in Canaano-Akkadian. *Antiquo Oriente*. 2019. Vol. 17. P. 11–38.
- Andrason 2019b — A. Andrason. Categorical Gradience and Fuzziness: The QWM Gram (Serial Verb Construction) in Biblical Hebrew. G. Kotzé, Ch. S. Locatell, J. A. Messarra (eds.). *Ancient Texts and Modern Readers: Studies in Ancient Hebrew Linguistics and Bible Translation*. (Studia Semitica Neerlandica 71). Leiden: Brill, 2019. P. 100–126. DOI: 10.1093/OBO/9780199772810-0222.
- Andrason 2020 — A. Andrason, B. Koo. Verbal Serialization in Biblical Aramaic: A Dynamic Network Approach. *Altorientalische Forschungen*. 2020. Vol. 47. No. 1. P. 3–33. DOI: 10.1515/aof-2020-0001.
- Andrason, Vita 2020 — A. Andrason, J. Vita. Serial Verb Construction in Ugaritic. *Aula Orientalis*. 2020. Vol. 38. No. 1. P. 5–33.
- ARL — M. T. Taġiyev (ed.). *Azərbaycanca-Rusca Lüğət*. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
- Bar-Asher Siegal 2016 — E. Bar-Asher Siegal. *Introduction to the Grammar of Jewish-Babylonian Aramaic*. (Lehrbücher orientalischer Sprachen 3/3). Münster: Ugarit-Verlag, 2016.
- Csató 2001 — E. Csató. Turkic double verbs in a typological perspective. K. H. Ebert, F. Zúñiga (eds.). *Aktionsart and aspectotemporality in non-European languages*. Zürich: Universität Zürich, 2001. P. 175–187.
- Foley, Olson 1984 — W. A. Foley, M. Olson. Clausehood and verb serialization. J. Nichols, A. C. Woodbury (eds.). *Grammar inside and outside the clause: Some Approaches to Theory from the Field*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 17–60.
- Givón 1991 — T. Givón. Serial Verbs and the Mental Reality of ‘Event’: Grammatical vs. Cognitive Packaging. E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins. P. 81–127.
- Grashchenkov 2015 — P. V. Grashchenkov. *Tyurkskiye konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.

- Haspelmath 2016 — M. Haspelmath. The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-Linguistic Generalizations. *Language and Linguistics*. 2016. Vol. 17. Iss. 3. P. 291–319. DOI: 10.1177/2397002215626895.
- Khan 1999 — G. Khan. *A grammar of Neo-Aramaic: the dialect of the Jews of Arbel*. Leiden: Brill, 1999.
- Khan 2002 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of Qaraqosh*. Leiden: Brill, 2002.
- Khan 2004 — G. Khan. *The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Sulemaniyya and Halabja*. Leiden: Brill, 2004.
- Khan 2008a — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of Barwar*. Leiden: Brill, 2008.
- Khan 2008b — G. Khan. *The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Urmi*. Piscataway NJ: Gorgias Press, 2008.
- Khan 2009 — G. Khan. *The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Sanandaj*. Piscataway NJ: Gorgias Press, 2009.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi (4 vols.)*. Leiden: Brill, 2016.
- Kraus 1987 — F. R. Kraus. *Sonderformen akkadischer Parataxe: die Koppelungen*. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitg., 1987.
- Lovestrand 2021 — J. Lovestrand. Serial verb constructions. *Annual Review of Linguistics*. 2021. Vol. 7. P. 109–130. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-031920-115317.
- Lyavdansky 2009 — A. K. Lyavdansky. Novoarameyskiye yazyki [Neo-Aramaic languages]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the world. Akkadian language. Northwest Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 660–693.
- Lyavdansky, to appear — A. Lyavdansky. Neo-Aramaic Texts in the New Alphabet Published in the Soviet Union 1929–1938. S. E. Fassberg, S. Hopkins, H. Mutzafi (eds.). *A Handbook of Neo-Aramaic*.
- Marogulov 1935 — Q. I. Marogulov. *Grammatikiy ka madrasi d guri* [A grammar for schools for adults]. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House, 1935.
- Marogulov 1936 — Q. I. Marogulov. *Grammatikiy d lishana suraya. D madrasa mis'eta lamlita u mlita. Sama I. Morfologiya. Ka klas d 5* [A grammar of Assyrian language. For complete and incomplete secondary school. Pt. I. Morphology. For the 5th grade]. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House, 1936.
- Muraoka 2005 — T. Muraoka. *Classical Syriac: A basic grammar with a chrestomathy*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005.
- Nöldeke 1880 — Th. Nöldeke. *Kurzgefasste syrische Grammatik*. Leipzig: Weigel, 1880.

- Plungyan 1998 — V. A. Plungyan. *Grammaticheskiye kategoriyi, ikh analogi i zameshtiteli* [Grammatical categories, their analogies and alternatives. Author's abstract of doctoral thesis]. Moscow: Moscow State University, 1998.
- Say 2020 — S. S. Say. Markirovaniye aktantov dvukhmestnykh predikatov v novoarameyskikh idiomakh sela Urmiya [Bivalent predicates' argument encoding in Neo-Aramaic varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. Pt. 2. P. 654–689. DOI: 10.30842/alp2306573716224.
- Shiraliyev, Sevortyan 1971 — M. Sh. Shiraliyev, E. V. Sevortyan. *Grammatika azerbaydzhanskogo yazyka* [A Grammar of Azerbaijani]. Baku: Elm, 1971.
- Shluinskiy 2014 — A. B. Shluinskiy. K tipologii morfosintaksisa «soyedineniya sobyitiy» v poliverbalnykh konstruksiyakh [On the typology of «conjunction of events» in multiverbal constructions]. *Rhema. Rema*. 2014. Vol. 4. P. 86–109.
- Shluinskiy 2016 — A. B. Shluinskiy. Strukturnye kharakteristiki serialnykh konstruksiy v yazykakh kva: vnutrigeneticheskaya tipologiya [Structuaral characteristics of serial verb constructions in the Kwa languages: intragenetic typology]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Pt. 1. P. 264–280.
- Shluinskiy 2018 — A. B. Shluinskiy. Serialnye glagolnye konstruksii v yazyke akebu [Serial verb constructions in Akebu]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 151–171.
- Skorodumova 2010 — P. Yu. Skorodumova. *Serialnye konstruksii v ivrite* [Serial verb constructions in Hebrew. Candidate thesis]. Moscow: Moscow State University, 2010.
- Stoynova, Shluinskiy 2013 — N. M. Stoynova, A. B. Shluinskiy. *Serialnyye glagolnyye konstruksii v russkom yazyke. Doklad na konferentsii «Russkiy yazyk: konstruksionnyye i leksiko-semanticheskie podkhody»* [Serial verb constructions in Russian. Paper on the conference “Russian: construction and lexico-semantic approaches]. Available at: <http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/handouts/stoynovashluinsky.pdf> (accessed on 10.12.2021).
- Talay 2009 — Sh. Talay. *Neuaramäische Texte in den Dialekten der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009.
- Tsereteli 1965 — K. G. Tsereteli. *Materialy po arameyskoy dialektologii* [Materials on Aramaic dialectology]. Vol. I. Urmiyskiy dialect [Urmi dialect]. Iss. 1. Tbilisi: Metsniereba, 1965.
- Younansardaroud 2001 — H. Younansardaroud. *Der neuostaramäische Dialekt von Sārdā:rīd*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.